Текст · 15 февраля 2022, 16:57

«Настоящее преступление, которое я могу совершить — это вас всех испугаться». Речь Алексея Навального на выездном суде в КОЛОНИИ

«Как Леонардо Ди Каприо в меме»

Спасибо большое, ваша честь, за эту возможность выразить свое отношение к обвинению. Оно есть у меня. Я постараюсь высказать его довольно внятно и конкретно. Это займет какое-то время. Уважаемый прокурор сколько выступал? Чуть больше часа. Я, наверно, быстрее уложусь. Я буду стараться говорить как можно громче, не думайте, пожалуйста, что я ору. Мне просто сказали те, кто смотрят трансляцию, [что звук там] сложно разобрать, нужно говорить погромче.

Как вы думаете, какую эмоцию я испытал, когда прочитал это обвинение вот здесь в колонии. Гнев, или отрицание, или принятие? Что я почувствовал? Может, я как-то, не знаю, разозлился за то, что вы сделали такое очевидно сфабрикованное дело? Ликование. Я, знаете, изображают человека, который счастлив, он сидит на кресле, развалился, как Леонардо Ди Каприо в меме, вот так шампанское держит. Я вообще был счастлив, на седьмом небе от счастья я находился, потому что... вы сейчас поймете, почему.

Я веду свою политическую деятельность много лет, и действительно я собираю единственным и, мне кажется, самым честным способом, собираю пожертвования с людей — те, кто хочет, перечисляют мне деньги, кто не хочет, не перечисляют. Я никогда не брал ни копейки государственных денег и очень этим горжусь. И я, и мои коллеги, мы являемся теми самыми политиками, которые существуют исключительно потому, что у них есть поддержка.

Штука в том, что довольно давно мы это делаем, и деньги таким образом я собираю с 2011 года. И с того момента около 300 тысяч человек перечислили нам в среднем где-то в районе 500-600 рублей. 300 тысяч человек, 2011 год. Это было достаточно давно, правильно? За это время, ну, очевидно, какие-то люди разочаровались в моей деятельности, им не понравилось, что я сказал по какому-то вопросу или еще что-нибудь. Такое случается, сегодня мы голосуем за одну партию, завтра голосуем за другую партию, сегодня нам нравится Навальный, завтра нам нравится Путин или наоборот. Такое бывает.

И поэтому когда я [объявил], находясь на лечении в Германии, что я возвращаюсь в Россию, а в ответ мне Следственный комитет заявил, что мы, значит, тебя посадим, потому что ты похитил все пожертвования, и выпустил пресс-релизы, которые мы будем рассматривать в этом процессе, о том, что я похитил и потратил на свои нужды миллиард рублей. Потом выпустили пресс-релиз, что я похитил 385 миллионов рублей, ну и так далее, и так далее. Я понимал, что, конечно, дело сфабрикованное, и

очевидно ни на какие свои нужды мы ничего не тратили.

Но 300 тысяч человек — и мы знали, что они допрашивают там всех, просто сплошняком по регионам люди писали, что нас вызывают на допрос. То есть все, кто пожертвовал там, а мы принимали пожертвования безличные исключительно, поэтому списки всех жертвователей есть в Следственном комитете. Но я понимал, что, наверное, довольно много людей просто из-за того, что они разочаровались во мне или моих коллегах могут взять и написать заявление.

Ну так и что? После всех ваших вот этих вот: украл миллиард и потратил их на себя, украл 300 миллионов и потратил их на себя. Что вы принесли в суд? Вы в суд принесли в буквальном смысле материалы о том, что есть четыре человека — из 300 тысяч жертвователей за все эти годы — и четыре человека написали заявления на два миллиона рублей. Из которых один это слесарь, который — в буквальном смысле, тут написано — пишет, что я посмотрел ролик Навального, после чего я взял миллион рублей, один миллион 20 тысяч рублей, чтобы был особо крупный размер, и перевел его Навальному. А спустя две недели слесарь подумал: нет, Навальный не классный, он, наверное, меня обманул. Пишет заявление, и на следующий день возбуждается уголовное дело.

И что, если кто-то когда-то меня спросит, какие доказательства ты предъявишь в пользу того, что ты заявляешь, что у нас с моими коллегами по

Фонду борьбы с коррупцией^[1] самая честная, самая прозрачная организация. Я скажу: мои доказательства — это материалы этого уголовного дела. И мы увидим, что каждый перевод проанализирован. Здесь просто есть распечатки всех платежей по карточкам — моей, моей жены, даже моей дочери, большинства сотрудников ФБК. Здесь же нет ничего! Есть два потерпевших, которых принесли сами вы, <нрзб>, и есть два предпринимателя, находящихся под уголовными делами, которые написали заявления — и все.

Вы здесь вновь произнесли фразу о том, что «похитили для личных нужд». Ничего нет, нет ни одного слова, даже в вашем полностью абсолютно сфабрикованном деле нет ни одного слова о том, что хотя бы копейка из этих денег поступила ко мне, что хотя бы копейку я или мои коллеги перечислили на свои нужды.

Поэтому, конечно, я испытал ликование, конечно, я испытал огромную благодарность тем самым 300 тысячам людей, которых запугивали, уговаривали, и никто из них не написал заявление. Вам пришлось искать каких-то липовых подставных людей, чтобы они перечислили нам деньги, потому что из нормальных 300 тысяч людей никто не написал. Это восхитительно. Конечно, я испытываю ликование. Я испытываю ликование в связи с тем, что наша система, при которой есть китайская стена между деньгами жертвователей и личными деньгами, она ни разу не пересеклась. Ни одна копейка никогда не ушла никому и никуда, кроме как на нашу деятельность.

Что-то есть полезное в этом деле, это то, что действительно глобальный аудит всего того, что делала ФБК, который полностью доказал, что мы делали абсолютно все верно, потратили все на антикоррупционную деятельность. И все делали очень хорошо, мы делали все правильно, и наше движение — это потрясающая политическая сила, в которой можно найти 300 тысяч человек, которые тебя не продадут даже под нажимом и запугиванием следователей и всех остальных.

«Я ненавижу то, что здесь происходит»

Что касается сути обвинения. Она, конечно, заключается в том, что людям запрещается вести политическую деятельность без вашего разрешения, без разрешения Кремля и всех остальных. Потому что по сути что я делал?

Люди придерживаются разных политических взглядов. Наверно, если я спрошу вас, кого вы поддерживаете, вы скажете, что поддерживаете национального лидера Владимира Владимировича Путина. А я — нет. И, наверно, никто не будет спорить с тем, что есть разные политики, люди разных взглядов, они голосуют, соответственно, за разных людей, разные партии.

И я считаю, что у меня есть полное право выходить и заявлять какие-то политические требования, что мне не нравится то, что здесь происходит, я ненавижу то, что здесь происходит. Ставка фельдшера на этой зоне 14 тысяч рублей, понимаете? Со всеми надбавками 21 тысяча рублей в месяц зарплата. Нефть 93 долларов за баррель. Путин строит себе дворец

за 150 миллиардов рублей, фельдшер получает 21 тысячу. Здесь инспектор, здоровый мужик, получает 25. Поэтому опера ходят и локалки открывают, потому что текучка, потому что работать никто не хочет, потому что зарплаты нет. Вся Владимирская область корячится за 25 тысяч рублей, 27 тысяч рублей. Мне это не нравится. Имею я право, чтобы мне это не нравилось?

Я не понимаю, как в стране, которая качает 20 лет нефть и газ, может быть такая нищета. Поэтому я собираю тех, кому это тоже не нравится. Я объединяю их в партию, объединяю в движение, и я веду расследование того, куда украли деньги этого фельдшера, куда украли деньги этого инспектора, куда украли ваши деньги — и ваши, и мои, и пенсии, и все остальное. Да, вот это расследование, и для расследования нужны деньги. Я подумал, какой самый классный, самый честный способ, наверное, если просто обойти людей, выйти на улицу и спросить: «Как ты думаешь, на какие деньги должен существовать политик? На бюджетные?». Он скажет: «Нет, почему на бюджетные, я должен его [содержать]?». — «А на какие?». Он скажет: «Собираете с тех людей, которым нравится этот политик».

Я так и решил делать, и буду продолжать это делать. Не существует другого способа нормальной политической деятельности, кроме как когда человек, который что-то заявляет, что чем-то доволен, чем-то недоволен, объединяет других, собирает с них деньги и продолжает эту деятельность.

«Имея преступный умысел на хищение средств, призвал делать фандрайзинг»

У нас тут зал суда, судебное следствие, давайте здесь проведем судебный эксперимент.

Я вот вам сейчас говорю: уважаемый суд, уважаемый прокурор, можете записывать. 16 часов 25 минут, гражданин Навальный, находясь по адресу такому-то в колонии, призвал — вот сюда и вот сюда — всех сотрудников Фонда по борьбе с коррупцией продолжать расследования, продолжать публиковать факты коррупции, находить, куда Путин, его группа, его родственники, его вторая жена, третья жена, куда они дели украденные деньги, расследовать всех этих министров-единороссов, публиковать их, призывать всех остальных распространять это.

Я призываю всех — как вы пишете, «неограниченный круг лиц» — граждан России, я призываю делать нам пожертвования, чтобы финансировать эту деятельность антикоррупционную, помогать нам распространять расследования. Потому что это моя политическая деятельность, и я борюсь, да, за то, чтобы сменить власть в стране, я не хочу, чтобы в Кремле сидели эти люди, они там десятилетиями сидят.

Ну не может такого быть, чтобы у нас каждый министр официально уже долларовый миллионер. Они — воры, я считаю, что они воры, и я прошу делать нам пожертвования, чтобы мы расследовали деятельность этих воров. Я буду на каждом судебном заседании рассказывать о кампании по сбору средств, назовем это кампанией судебных пожертвований.

Можете возбудить на меня еще одно уголовное дело, прямо сейчас, понимаете. Как это там, имея

преступный умысел на хищение средств, призвал делать фандрайзинг. Вы можете это так назвать, еще одно дело, как я уже сказал, завести, что угодно сделать. Я не вижу другого способа нормально, честно вести политическую деятельность, кроме как вот так.

Если я считаю, что они воры, я об этом говорю, я доказываю, что они воры, я показываю это всем, я буду участвовать в выборах. Да, сейчас есть законодательство, которое для меня прописали, и вы все повторяете, что, значит, я не имею права участвовать в выборах. Не только не имею права участвовать в выборах, у вас в материалах написано, цитирую: «Волков сделал ложное заявление о том, что он глава штаба Навального^[2]». Теперь даже вы лучше меня знаете, кто начальник моего штаба, Волков ложный, потому что... Что угодно можно написать, но есть простая вещь — я хочу участвовать в выборах.

Embed Wrapper Not Realised

Embed WrapperYT Not Realised

Embed YT Not Realised

Embed Comment Not Realised

Я хочу, чтобы другие кандидаты участвовали в выборах, я хочу, чтобы была партия, за которую можно проголосовать, и я требую допуска на выборы — и других людей, и себя. Вы считаете, что меня нельзя допускать, а я считаю, что это незаконно и неправильно. А я хочу участвовать в выборах. И ко всем вновь обращаюсь: если вы считаете, что я и такие как я могут участвовать в выборах, давайте вместе объединяться и действовать. Давайте поддерживать нас деньгами. Если нас не пускают, участвуйте

в «Умном голосовании» для того, чтобы мочить единокороссов, которые стоят за вами.

— Алексей Навальный, мы сейчас слушаем ваше отношение к предъявленному обвинению, — вмешивается судья Маргарита Котова.

— Так я об этом и говорю.

Стороны недолго препираются, и Навальный продолжает.

Вот видите, прозвучало слово «Единая Россия», и я уже сталкиваюсь с обвинениями ближе некуда. Потому что моя деятельность — это деятельность по организации людей, которым не нравится «Единая Россия» и Путин, которые ненавидят «Единую Россию» и Путина, которые хотят отстранить от власти «Единую Россию» и Путина, потому что «Единая Россия» и Путин — это ограбление нашей страны. Это объективный факт, понимаете. Это объективный факт нищеты.

Вы Покров увидели? Я вот Покров не видел, меня все время возят, знаете, у меня окон нет в машине. Но вы же [проехали] по городу Покрову. Сто километров от Москвы. Ну, вы же видели, что это бомжатник какой-то. Ну почему это происходит? Потому что такая власть сидит. Я не вижу другого способа, я буду продолжать с ним бороться.

«Боже мой, клепайте! Я же все равно не замолчу»

И я не боюсь — ни этого суда, ни колонию, ни ФСБ, ни прокуратуру, ни химического оружия, ни Путина, ни всех остальных. Я не боюсь, потому что считаю

унизительным и бесполезным бояться этого всего. Плохо — жить и смириться с этим всем. Смотреть на эту разваленную дорогу и смириться с этим, понимаете. XXI век, дороги в Покрове [нет]. Да почему ее нет? Ну да, 14 тысяч получают? Ну почему я должен это принять?

Почему все остальные это должны принять? Я этого не понимаю. Мы организовываем свою деятельность, и мы продолжим. И я считаю, что я имею право участвовать в выборах, я буду этого добиваться. Может быть, я когда-нибудь буду участвовать, может быть — нет. Может, я какое-то место займу, может, — не займу. Но это будет зависеть от людей, от избирателей, которые за меня проголосуют, если я буду действовать правильно, или не проголосуют, если я буду действовать неправильно. И как-то их там...

Я даже не знаю, честно говоря, нужно ли мне комментировать ту часть этого экзотического дела, которая касается оскорблений. Я просто подумал, может я съехавший <нрзб>. Ну, во-первых, объединение в одно дело мошенничества и оскорблений — это странно, во-вторых, вы читали то, здесь написали [в качестве] оскорблений? Как вы смех сдерживали?

Значит, оскорбительная фраза: «Ваша честь, вы нарушаете закон». Ваша честь, посмотрите, пожалуйста, там даже в тексте «Вы» с заглавной, потому что было очевидно по интонации, что я говорю. Фраза «Ваша честь, вы нарушаете закон». Она оскорбляет? Нет. Мы с вами обсуждали сегодня

допуск адвоката, я вам говорил: «Вы нарушаете закон». Вы мне говорили: «Нет, не нарушаю закон» — и ссылаетесь на что-то. Мы поговорили. Это оскорбление судьи?

[Следующая фраза:] «Я жду, пока вы закончите» — это оскорбление кого — прокурора, судьи? И, конечно, мое любимое оскорбление, кавычки открываются — «боже мой» — кавычки закрываются. Боже мой, ваша честь, если вы каждого человека будете судить за «боже мой», тогда я не знаю, что будет происходить.

Если кто-то считает, что за фразу «боже мой» нужно судить, нужно было записывать, что Навальный, находясь в таком-то месте в такое-то время, оскорбил Бога, потому что запрещено упоминать имя господина нашего всуе. Кого я мог оскорбить фразой «боже мой»?

И вот я понимаю, это такая попытка запугать. Если ты будешь что-то говорить, если ты не будешь просто молчать, не будешь покорно кивать, не будешь бояться нас — судей, прокуроров с двумя, тремя, десятью звездами — то мы будем клепать уголовное дело за уголовным делом. Да и клепайте. Боже мой, клепайте. Я же все равно не замолчу, понимаете. После того как какие-то фээсбэшники за мной ездили два года, травили меня химическим оружием, и я лежал в коме 20 дней, а потом еще 20 дней лежал в каких-то галлюцинациях, мне бояться вашего суда просто глупо. Я его и раньше не боялся, и теперь я точно не буду бояться.

Завершая свое выступление, я хочу сказать, что, конечно, мы по пунктам, вот просто по пунктам

все это вранье разоблачим в ходе этого процесса. В общем-то даже разоблачать нечего, вы говорите, что я тратил на личные нужды, здесь даже не упоминается ничего — просто ноль. Мы разберем все по пунктам и по пунктам все опровергнем.

Но при этом я, конечно, понимаю — это не первый мой процесс, я не наивный человек, — приговор будет обвинительный, по нему будет достаточно большой срок. И смысл этого один: раз я так оскорбил вашего темного лорда Путина, что я не просто выжил, но и вернулся, ну вот он сказал: раз он типа считает, что он такой крутой — пусть он типа сидит в тюрьме. Вернулся — и будет сидеть там пожизненно, и будет это дело, и второе дело, и третье, и вы мне будете бесконечно увеличивать срок.

Ну что ж тогда сделать, я считаю, что все равно моя деятельность, деятельность моих коллег важнее, чем просто конкретная судьба человека. И я считаю, что худшее, что я могу на самом деле сделать, настоящее преступление, которое я могу совершить, — это вас всех испугаться. И вас, и тех, кто стоит за вами. Я еще раз вам говорю, что я не боюсь, и я еще раз в эту камеру призываю всех остальных тоже не бояться.

Потому что бояться здесь нечего. Бояться нужно того, что мы всю жизнь проведем в нищете, в деградации, отсутствии перспектив и своим детям оставим в наследство вот это вот все: вот это холуйство, раболепство и то же самое тоскливое просто ожидание лучшей доли, которая не наступит никогда, пока у власти находится банда воров. Спасибо.

Расшифровка: Юлия Сугуева, Олег Зурман

Редактор: Егор Сковорода

1. Мосгорсуд признал ФБК экстремистской организацией и запретил ее. После ликвидации организации Минюст убрал Фонд борьбы с коррупцией из списка «иностранных агентов». Но в реестре осталось одноименное движение, главой которого значится Александр Туровский.

2. Мосгорсуд признал «штабы Навального» экстремистской организацией и запретил ее.